

Политическое завещание Бориса Ельцина – что в конверте?

28

Когда Б. Н. Ельцин уходил, все это помнят, он бросил такую фразу: «Берегите Россию». Собственно, это единственное, что мы услышали от Ельцина, но вот какое политическое завещание он вложил в эту фразу?

Ответить на этот вопрос трудно, но, наверное, можно попытаться понять, что все мы должны из этой фразы извлечь. Конечно, то политическое сообщество, которое возникло на руинах СССР, было далеко от совершенства. И оно все еще мучительно пытается самоопределиться. Но для Ельцина именно оно и было полноценной Россией. Потому что до сих пор многие отказывают ей в праве так называться. Есть даже такое словцо «Эрэфия». И многим кажется, что нужно что-то еще: то ли земли «пооткусывать» у соседей, то ли вообще соседей обратно загнать в общий дом, то ли американцам «ежа в штаны запустить», – вот тогда это будет Россия. А вот для Ельцина было однозначно ясно, что то, что выжило, – это и есть Россия. Что нужно не заниматься реставрацией советского прошлого, а хранить, беречь и совершенствовать то, что возникло в результате революции конца 80-х – начала 90-х гг.

Мнение по этому вопросу Леонида Гозмана, сопредседателя партии «Правое дело»:

Ельцин был одним из создателей новой России, он к ней относился как к своему ребенку, он ее любил. Любил несовершенную, такой, какая она была. Он не хотел вместо нее сделать что-то другое. А если говорить о завещании, то я, если бы вскрывал этот конверт, ожидал бы увидеть там три слова: «свобода, демократия и мир». Для Бориса Николаевича, как мне кажется, очень важной ценностью был гражданский мир. И он выполнял тяжелейшую, удивительнейшую задачу – он был лидером революции, он был лидером фантастических по масштабу преобразований и он пытался эти преобразования провести мирно. И мне кажется, что когда он отступал, когда шел на компромиссы, он это делал прежде всего потому, что ему казалось, что дальше нельзя, дальше что-то может взорваться. И он ради этого отступал.

Безусловным наследием ельцинской эпохи является некий набор свобод. Кстати сказать, свобод, невиданных для России. Но возникает вопрос: почему эти свободы, если судить по «нулевым» годам, оказались невостребованными и даже ущемленными заново? Может быть, Ельцин обогнал свое время? Может быть, Россия была еще не готова к такой степени свободы? Может, он поторопился?

Мнение по этому поводу Святослава Каспэ, политолога, заместителя директора фонда «Российский общественно-политический центр»:

Не думаю, что Ельцин поторопился. Кстати, давайте для справедливости отметим, что тот взрыв свободы, который имел место, должен по справедливости отождествляться с именами двух людей – Горбачева и Ельцина. Это – трагическая пара, конечно, но началось все одним, а продолжилось другим. Что касается того, почему эти свободы начали вызывать отторжение, мы же знаем, что свобода – это довольно страшно, это довольно некомфортное психическое состояние. Естественно, когда человек оказывается выброшенным в это пространство свободы, многие из людей, по крайней мере, начинают испытывать надежду: а может, комфортнее как-то по-другому прожить. Я думаю, что практически все постреволюционные общества проходили через такое качание маятника – от опьянения свободой к откату от нее. Но как правило, маятник потом снова двигался в сторону свободы, пока не

---

28 По материалам передачи от 3 мая 2009 года.

В обсуждении приняли участие политолог Святослав Каспэ и политик, сопредседатель партии «Правое дело» Леонид Гозман.

останавливался на органичной для этого общества точке. И я думаю, что мы все время должны помнить, что времени прошло очень мало. Всего 16 лет – это очень мало.

Нелепо предполагать, что после того XX века, который устроила себе Россия, она могла бы быстро остановить это «качание маятника» и зафиксироваться в некоей точке оптимума. Для этого потребуется еще много времени.

Сейчас же, если посмотреть вокруг, становится противно. Но у России в будущем все будет в порядке. Она вернется к свободе, к демократическим институтам. Просто потому, что нет другого пути. Это и начальство многое тоже понимает. Если в стране не будет политической конкуренции (а она в первую очередь была уничтожена), Россия никогда не будет конкурентоспособна в мире, не выйдет из кризиса.

Постреволюционная стабилизация в любой стране – что в Мексике, что в Китае, что во Франции, – означает некоторое «подмораживание», некоторый откат. Это всегда какой-то Термидор. Но обычно он не очень долгий. А в России на него наложились аномально высокие цены на нефть, которые позволили команде Термидора углублять свои идеи, укрепляться. Но подавляющее большинство общества, которое даже сегодня верит рассказам о «лихих 90-х», совершенно не готово вернуться ни в какую диктатуру.

Больше десяти лет в России говорят о некоей необратимости демократических реформ. Еще в 1996 году, после победы Ельцина, говорили, что теперь все необратимо, дороги назад нет. Когда Ельцин уходил, тоже говорили – все необратимо. Борис Николаевич был в этом уверен. Но как оказалось, очень многое из старого вернулось.

Мнение по этому вопросу Леонида Гозмана:

Многое вернулось, а многое не вернулось и не вернется никогда. И советской власти – всего этого монстра коммунистического – точно больше никогда не будет. Хотя, конечно, далеко не все получилось – просто завидно, когда смотришь на других. На Польшу какую-нибудь...

В других странах сохранилась и укрепилась политическая конкуренция. Она никуда не уходила после того, как рухнул СССР. А в России она, к сожалению, пропала. Но экономическая база демократии осталась, и, что очень важно, остались личные свободы. Сегодня никто не запрещает говорить и писать то, что думаешь.

В одном из интервью в 2006 году Бориса Николаевича спросили, что он считает своим главным достижением. И он ответил: «Коммунизм не вернется». И это действительно главное, и это можно рассматривать как его завещание, потому что это актуально для нас сегодня. Для Ельцина была очень важна резкая грань между тем, что было, и тем, что стало. У нас сейчас эту грань стало принято размывать. У нас стало принято тащить из советского прошлого все, что можно, причем из разных соображений. Кто-то искренне верит в коммунизм (есть же коммунисты на этом свете). Кто-то занимается циничной торговлей ностальгией – это все еще хорошо продаваемый товар. Кто-то использует это для манипуляций теми, кто ведется на ностальгию. И это действительно опасно – не потому, что есть угроза реставрации коммунизма – ее на самом деле нет. Потому что эта атмосфера как раз легитимизирует «свинцовые мерзости», потому что в ней забывается то, во имя каких ценностей создавалась российская демократия и с чем боролись ее создатели. А они боролись против тотальной несвободы нескольких поколений, они боролись за ценности свободы. А то, что происходит сейчас, когда все валят «в одну кашу», Ельцину бы не понравилось, потому что он четко видел разницу между тем и другим.

Когда Ельцин перестал быть президентом, он молчал. Он уже был большим старым человеком. К тому же он был изолирован от новой элиты. Он был чужд этой новой генерации, и если молчал, значит, у него были на то основания.

А может быть, Путин – это и есть наследие Ельцина?

В самом деле, Путин, а потом Медведев наследовали президентский пост. Но являются ли они политическими наследниками Ельцина? Или Путин «переломил» ельцинское устройство России?

Прежде всего совершенно бесспорно, что вся та политическая реальность, в которой мы существуем до сих пор, – это реальность, сконструированная Ельциным и теми людьми, которые были рядом с ним в начале 90-х, которые работали с ним и помогали ему. В этом смысле эпоха Ельцина продолжается и не скоро закончится. Ни Путин, ни Медведев не являются сопоставимыми по масштабу их деяний конструкторами реальности. Другое дело, что это реальность свободная, она не раз и навсегда зафиксирована. В ней могут, как выяснилось, происходить разные вещи. В ней, как выяснилось, можно делать очень много, формально не меняя Конституцию. Хотя бы вот эта знаменитая «шутка» про то, что Совет Федерации «формируется». Вот он формируется. Соответственно, может формироваться как угодно, и это все будет формально в рамках Конституции. И эти постоянные манипуляции с порядком формирования Совета Федерации делались сознательно. Потому что тогда никто не знал, куда пойдет страна, и сознательно у этого механизма оставляли множество степеней свободы. Поэтому – да, все происходящее сейчас – это наследие эпохи Ельцина. Собственно, даже не наследие – эпоха Ельцина продолжается.

Мнение по этому вопросу Леонида Гозмана:

Мне кажется, что ответ на вопрос, являются ли они продолжателями великого дела Ельцина или наоборот – его разрушителями или отрицателями, определяется временным масштабом. Если мы смотрим на сегодняшний день, то, естественно, нам бьют в глаза те вещи, которые резко отличаются и становятся прямо противоположными. Например стилистика. Стилистика Ельцина – свободная. Не скажу, что это обязательно хорошо, бывало по-разному. Бывало и неловко за него – тоже бывало. Но у него была какая-то такая свобода, спонтанность, открытость. А тут – строем, «грудь четвертого справа», «парламент не место для дискуссий»... Или, допустим, посмотрите, как изменился юмор. При Борисе Николаевиче смеялись над начальством, выходила программа «Куклы». А сейчас смеются над страной. Есть популярная программа «Наша Russia», ее смотрят очень многие. Над кем там смеются? Над начальством? Нет, там смеются над простыми людьми. Там смеются над собственным народом, на самом деле.

И пусть это калька с британской передачи. Тут ведь важен контекст. Когда вся британская пресса переполнена критикой в адрес начальства, то эта передача – одно. А когда все тут святые, а смеются над каким-нибудь мужиком из-под Тамбова? Замечательно... Дожили...

Или посмотреть – выборы при Ельцине и выборы сейчас? Кажется, что все другое. Что они все предали, поломали. Но если посмотреть в более широком масштабе времени, то заложенное Борисом Николаевичем – черта с два это сломаешь. И он совершенно правильно сказал: «Коммунизм не вернется». Все мы живем в другой стране и никогда не вернемся в ТУ страну. ТА страна не вернется, к счастью, коммунизм не вернется никогда – ни в мировом масштабе, ни в масштабе одной страны, и это очень важно. Заложённая база демократических институтов – как их ни выхолащивай, но они остаются.

А на чем стоит вертикаль? Вертикаль стоит не на законе. Вертикаль стоит на телефонном праве, на авторитете, лояльности, страхе и т. д. Как только это исчезает, что останется? Останутся эти демократические институты. И вертикаль уже потихонечку слабеет и разлагается. И нервность начальства по поводу региональных выборов, нервность начальства по разным поводам – все это говорит о том, что есть понимание того, что тупая лояльность слабеет. Может быть, вместе с ценами на нефть...

Когда Ельцин уходил, он попросил прощения.

Он понимал, что ошибки у него были. Его идеализировать тоже не надо. Он был великий политик, великий человек, но он был человек, а не Господь Бог, и у него были ошибки, причем достаточно страшные.

Были у Ельцина и человеческие слабости, в частности, традиционная для России человеческая слабость, к сожалению. Но при этом он был великий человек, и счастлива наша страна, что он у нас был.

Слушателям «Эха Москвы» был задан вопрос: «Между ельцинской Россией и путинской Россией больше сходства или различий?» Голосование прошло достаточно активно, и 88,2 % ответивших посчитали, что между ельцинской и путинской Россией больше различий, а 11,8 % – что больше сходства.

Тут, как уже говорилось, все дело во временном отрезке. Понятно, что если два этих близких периода сравнивать, то действительно фокусируешься на том, что перед глазами. Но если мы действительно попытаемся поместить это даже не в исторический контекст, а в контекст одной человеческой жизни, в которую уместились и советские реалии, и нынешние, то будет понятно, где на самом деле был настоящий перелом, где произошла настоящая перемена.

Все мы очень чувствительны к изменениям. Когда что-то стабильно, какая-то часть жизни стабильна, то так вроде бы и должно быть. А вот любое изменение, особенно изменение к худшему, вызывает у нас очень сильную реакцию. Поэтому если собрать большой список всего того, чем ельцинское время стало отличаться от предыдущего времени, и туда включить все, в том числе нормальные магазины, нормальные машины, открытые границы и т. д., то получится длинный список, и вовсе не такой уж плохой. И если этот длинный список сделать, то окажется, что к худшему изменилась только небольшая часть этого списка. Но она, конечно, болезненна. А сегодня мы во многом вернулись во времена застоя. Как говорил Жванецкий: прочел одну газету, узнал, что пишут в остальных. К сожалению, это имеет место сегодня, и это жутко раздражает.

Но с другой стороны, а есть ли большой спрос на ТЕ свободы, на разные газеты, на неодинаковое телевидение? Последние 7–8 лет показали, что все это не очень востребованно.

Мнение по этому вопросу Леонида Гозмана:

Спрос есть. Прямой спрос на свободу есть в любом обществе, но все-таки у меньшинства. Он становится спросом большинства, когда идут какие-то очень большие потрясения. Религиозные войны, например, или просто войны, не дай бог, или революционные изменения. А в нормальной жизни человек читает свою газету (если вообще читает), смотрит свои новости по своему телевидению, ходит в свою церковь и к себе на работу. И все, его больше ничего не волнует. Но у нас есть очевидный спрос на освобождение от коррупции, на освобождение от власти бюрократии и всего этого бюрократического хамства. У нас есть огромный спрос на защищенную частную собственность и т. д. У нас просто не все понимают, насколько это связано со свободами. Ту же борьбу с коррупцией народ воспринимает не так, что нужна свобода печати, а что «нужно их всех сажать» – что это самый эффективный метод.

Спрос на политическую свободу – это такая штука, которая может очень долго быть почти незаметной, а потом, когда вдруг выяснится, что всего остального, что важно каждый день, иначе обеспечить невозможно, этот спрос растет взрывообразно.

Собственно, в России так и было. Собирались шесть-семь диссидентов на Пушкинской площади, требовали свободы и Конституции, и на них смотрели как на идиотов. А потом прошло несколько лет, и миллионы людей собирались в Москве и других городах.

И кричали: «Ельцин!» А теперь эти же люди его предают анафеме. Кстати, этой истории две тысячи лет. Она еще в Иерусалиме была.

Говорят, что при Ельцине было дозволено все и всем, сейчас же дозволено все, но не всем. А еще говорят, что Ельцин был человек спонтанный. Но он очень многое рассчитывал, и рассчитывал правильно. Люди, которые с ним работали, рассказывали, как он работал с документами: ему давали какие-то доклады, проекты, а он их возвращал со своей правкой. И он в любом документе, в любом проекте очень четко видел его политическую составляющую. Он вполне мог отметить и сказать: нет, это – возвращение коммунизма. А это хорошо, потому что это – в сторону свободы. Его огромное достоинство было в том, что он постоянно видел цель. Он был действительно великий политик: он чувствовал людей, он очень хорошо чувствовал свой народ. И его целью было сокрушение коммунизма и построение новой России. В каждом его решении эти приоритеты проявлялись. Следовательно, его спонтанность преувеличена. Он был живой человек, но при этом он был очень ответственный и целеустремленный человек.

Или вот такой вопрос: когда Ельцин выбирал Путина в качестве преемника, он выбирал того Путина, которого мы знаем, или какого-то другого Путина, которого знал в тот период Ельцин?

Мнение по этому вопросу Леонида Гозмана:

Никто никогда не может сказать, как будет эволюционировать человек. Поэтому, конечно, он выбирал того, кого знал. Но тут я хочу сказать вещь, которая, наверное, очень многим не понравится, но тем не менее я так думаю, поэтому я это скажу. Я думаю, что тот выбор, который сделал Борис Николаевич тогда, был выбором, может быть, даже единственно возможным. И поэтому – правильным. Притом что я очень критически отношусь к очень многому из того, что сделал Владимир Владимирович с нашей страной. Но если брать ту ситуацию, если вспомнить конец 1999 года, когда Примаков и Лужков просто стояли на пороге Кремля. Если говорить, что Путин – полковник КГБ, то Примаков – генерал. Вот разница между ними. Причем Путин все-таки из одного поколения, а Примаков – из поколения его родителей. Я знаю, кого я бы хотел видеть президентом своей страны, и это точно не Путин. Но если вспомнить конец 1999 года, если поставить себя на место Бориса Николаевича, куда ему было деваться? Я думаю, что другого выбора у него не было.

Наверное, Ельцин сам, когда брал власть в 1991 году, когда мы все его выбрали, рассчитывал, что в 1999 году будет немножко другая ситуация. Не та, которая была. И анализировать, какие его ошибки привели к этой ситуации, – это предмет другого разговора. Но важно то, что он не был Господом Богом. У него возникали обстоятельства, и часть этих обстоятельств он мог купировать, а часть – нет. И неизвестно, смог бы кто-то другой провести страну по такому сложному пути, добиться таких фантастических изменений с наименьшими потерями.

Мнение по этому поводу Святослава Каспэ:

А вот я как-то не заметил принципиальных перемен за эти годы в Путине. Думаю, что Ельцин выбирал его таким, каким он его знал. Думаю, что и мы его знаем примерно таким же. Просто не вижу оснований полагать обратное. Но действительно – в тех обстоятельствах места и времени, которые имели место в 1999 году, которые были, кстати говоря, не исключительно Борисом Николаевичем созданы, а возникли в его борьбе с обстоятельствами, с врагами, с собой и т. д., похоже, что другого варианта у него просто не было.

У Ельцина была альтернатива: Примаков или Лужков. И про них он точно знал все. Он искал и нашел Путина, а Путин – это лучше, чем Примаков и Лужков. Просто политика – это не выбор абсолютного добра, а меньшего из зол. Правда, как часто бывает в истории, меньшее из зол может быстро стать новым большим злом.